Она и отвичатъ:

„Ти-го-го, ладушко,
Ти-го-го, милой мой!
Ты подай мнѣ-ка крылышко,
Ты подай мнѣ правильное—
Поличу съ тобой за море,
Поличу съ тобой за сине!“

Она было вспорхнула; а Иванъ-царевичь и поймалъ іе.

Пролитѣла и эта станица. Вотъ и говоритъ молода молодица Ивану-царевичу: „Кабы ты не схватилъ миня,—улитѣла бы я въ свое царство, въ свое государство! а теперь,—говоритъ:—мнѣ не съ кѣмъ литѣть: пролитѣлъ и милой мой *лада*“.

И стали онѣ жить да быть, да добра наживать. И теперя живутъ.

---

86. Иванъ дуракъ и Яга-баба.

Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ.—Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г. № 43, стр. 218—219.

1. Жилъ-былъ старикъ да старуха. У ихъ былъ сынъ Иванъ-дуракъ. Вотъ Иванъ-дуракъ сталъ отпрашиваться отъ отца да отъ матери рыбу удить: „Гдѣ,—говоритъ:—рыбка клюнетъ, тутъ и стану удить!“—Старикъ да старуха подумали, подумали да отпустили Ивана-дурака.

Вотъ онъ шолъ да шолъ, дошолъ до избушки: стоитъ избушка, на куричьей голяшкѣ повертыватца. — „Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“—Избушка стала.

Вотъ Иванъ-дуракъ зашолъ въ избушку, а въ ей середе полу лежитъ Яга-баба:—„Фу-фу-фу! рюска коска сама на дворъ зашла!“—Взела да и заперла ево въ *голбецъ*: „Я тибя завтре велю изжарить меньшой дочерѣ“.

Вотъ на другой день по утру растопѣлась печка. Меньшата дочь вышла и говоритъ: „Выходи, Иванъ-дуракъ изъ голбца-та!“—Вотъ Иванъ-дуракъ вышолъ,—она и говоритъ: „Садись, Иванъ-дуракъ, на лопату-ту!“—Иванъ-дуракъ сѣлъ,

а самъ руки и ноги разшарашилъ. Она и говоритъ: „Стань, Иванъ-дуракъ, съ лопаты-то: я тибя поучу!—Вотъ какъ,—говоритъ:—сѣдь!“—Сама и сѣла на лопату-ту. Иванъ-дуракъ бросилъ іе въ печку да заслонкой и приперъ. Маленько погодя вынялъ іе и положилъ на *голбчикъ*. А самъ опеть въ голбецъ ушолъ.

2. Яга-баба вышла и стала *ись*. Съѣла да и говоритъ: „Покататься бы мнѣ, поваляться бы мнѣ на Ивановыхъ-то косточкахъ“.—А Иванъ-дуракъ сидитъ въ голбцѣ да и говоритъ: „Покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты на дочериныхъ-ко косточкахъ!“—„Ахъ ты, *варнакъ* эдакой! завтре велю середней дочерѣ изжарить тибя!“

Опеть на другой день печка истопѣлась. Середня-та дочь и говоритъ: „Выходи, Иванъ-дуракъ, изъ голбца-та!“ – Иванъ-дуракъ вышолъ.—„Садись, — говоритъ: – Иванъ-дуракъ, на лопатку-ту!“—Иванъ-дуракъ сѣлъ, руки и ноги разшарашилъ.—„Не такъ!—говоритъ:—да'-ко я тибя поучу!“—Сѣла на лопату-ту; онъ іе взялъ да и бросилъ. Вотъ, изжарилъ іе, вынялъ изъ печи, положилъ на голбчикъ, а самъ опеть въ голбецъ ушолъ.

3. Яга-баба наѣлась да и говоритъ: „Покататься бы мнѣ, поваляться бы мнѣ на Ивановыхъ-то косточкахъ!“—А Иванъ-дуракъ сидитъ въ голбцѣ-то и говоритъ: „Покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты на дочериныхъ-то косточкахъ!“—„Ахъ, ты, варнакъ эдакой! Завтре велю большой дочерѣ изжарить тибя!“

Ну и вотъ, на третій день истопѣлась печка. Большата дочь вышла и говоритъ: „Вылѣзай, Иванъ-дуракъ, изъ голбца-та!“—Иванъ-дуракъ вылѣзъ. Она и говоритъ: „Садись на лопату-ту!“—Иванъ-дуракъ сѣлъ, руки и ноги разшарашилъ.—„Не умѣешь ты садиться-то! Да'-ко я тибя поучу!“—И сѣла сама на лопату-ту. Иванъ-дуракъ іе взялъ да и бросилъ въ печку; изжарилъ и положилъ на голбчикъ, а самъ опеть спрятался въ голбецъ.

Вотъ пришла Яга-Егинишна, съѣла дочь-ту да сама и говоритъ: „Покататься бы мнѣ, поваляться бы мнѣ на Ивановыхъ-то косточкахъ!“—А Иванъ-дуракъ и говоритъ: „Покатайся-ко ты, поваляйся-ко ты на дочериныхъ-то косточкахъ!“ — „Ахъ ты варнакъ эдакой! Завтре я тибя сама испеку!“

4. Вотъ на другой день печку истопила да и говоритъ: „Ну-ко, Иванъ-дуракъ, садись на лопату-ту!“—Онъ сѣлъ и опеть такжо—руки и ноги разшарашилъ.—„Ой ты, Иванъ-дуракъ, не умѣешь садиться-то! Да'-ко я тибя поучу!“—Сѣла сама Яга-Егинишна, а Иванъ-дуракъ бросилъ іе въ печку; приперъ заслонку бадагомъ, а самъ склалъ ихъ-то имѣнье на иху-жо лошадь да и уѣхалъ домой.

---

87. Иванъ-крестьянскій сынъ.

[Волшебное кольцо].

(Записано въ Усольѣ А. Вологдинымъ. Напечатано въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 43, стр. 219—220).

1. Жилъ-былъ старикъ да старуха. У ихъ не было робятъ. Вотъ старикъ умеръ. У старухи родился сынъ и назвали ево Иваномъ-крестьянскимъ сыномъ.

Вотъ онъ выросъ. Выпросилъ у матери денегъ—купить уду—и ишо копѣйку, и пошолъ удить на озеро. Вотъ пришолъ къ озеру, бросилъ копѣйку въ озеро и началъ удить. И наудилъ рыбы много. Стало темнѣться, Иванъ и пошолъ домой.

На другой день опеть Иванъ пошолъ къ озеру удить—выпросилъ копѣйку. Наудилъ рыбы ишо больше вчерашнова. Стало темнѣться, Иванъ и пошолъ домой.

На третей день онъ опеть пошолъ съ копѣйкой удить на озерѣ. Наудилъ рыбы столько, што не могъ унести, и просидѣлъ тутъ до самой полночи.

2. Вотъ вышолъ ночью-ту изъ озира бисенокъ, зоветъ ево къ сибѣ въ гости да и говоритъ: „Ежели тибя сотона будетъ потчевать, дакъ ты не пей и не ѣшь ничево, только проси у ево перстень съ руки“.

Вотъ Иванъ сѣлъ на бисенка, поѣхалъ въ озеро и пріѣхалъ прямо къ чорту. Вотъ сотона и говоритъ Ивану: „Ты ходилъ къ намъ удить и дарилъ мнѣ деньги; теперь мы за то тибя отпотчуемъ.“—Иван'отъ ничево не сталъ—не *ись*, не пить, только просилъ перстень до трехъ разъ. Сотона отдалъ ему перстень; Иванъ и поѣхалъ на бисенкѣ домой.